

Прирожденные нацисты

"Прочтя книгу и тому подобное, лучше всего сжечь их либо выбросить. Чтение занятие для двора Императора, тогда как Путь Самурая - Смерть."

Хагакурэ

Декабрь

Я оставил заказ на аминокислоты Марку Свайлею, тexasскому тяжелоатлету, регулярно обучающемуся в додзэ. Это казалось лучшей идеей нежели чудесные спортивные напитки Аги, которые окрашивали ваш рот в красный цвет или его же бодрящие жевательные резинки требующие длительного разжевывания, которые стоили много больше чем полноценная пища. Я чувствовал, что мне необходимо небольшое количество дополнительных сил при подготовке к тесту на черный пояс и аминокислоты тexasсца казались наиболее подходящими.

"Я беру их все время. Я могу тренироваться два часа подряд, затем еще бегать и все еще чувствовать себя полным сил," клялся Свайлей.

Я так же страдал от зубной боли и наконец договорился о лечении у японского дантиста Сары. Она договорилась о приеме, раздраженная моими постоянными жалобами о боли. Проблема появилась когда спонтанный удар Адама отломал верхушку дальнего зуба, который уже болел. Я был настолько раздражен этим, что выполнил образцовую серию дзю вадза, самую лучшую из всех когда либо выполненных мной.

Но боль начала медленно нарастать и я с горечью понял, что должен буду сделать то, чего очень не хотел делать - попасть в руки японского дантиста. Японское отношение к зубам окрашено, буквально, их убеждением тем, что они находили темные зубы привлекательными. Непостижимо для любого с рождения и до старости была регулярная чистка зубов, считалось проявлением скромности когда рот женщины был нежным отверстием, лишенным таких животных наростов, как зубы. Свинец использовался дабы сделать зубы черными, широко применяемая практика у гейш в этом столетии.

Очернение, возможно, было лучшей идеей скрыть плохую работу. Было возможным обнаружить двойные, немного выпирающие и искривленные зубы у молодых "симпатичных" девочек, как считали большинство японцев, и это было лучшим выходом из безнадёжной ситуации. И ровно так же как японцы имеют плохое зрение, в одном классе средней школы из двадцати девочек шестеро носили очки и одиннадцать носили контактные линзы (факт невообразимый на Западе, но весьма обычный в Японии), они так же имеют плохие зубы.

По пути к дантисту, в подземке, я заглядывал в каждый рот, попадавшийся в поле моего зрения. Это было ужасным: серые клыки; бесцветные выпирающие десны; резцы и клыки в два ряда; причудливые мосты, вдохновение на создание которых должно быть навеял Пампиду центр; все зубы целиком заключенные в золотые или нержавеющей стали коронки; рты, которые вспыхивали как пещера Алладина, когда человек начинал говорить. Такие случайные наблюдения никогда не внушают доверия, когда цель поездки должна принести облегчение. Вместо этого я думал о Саре, с ее маленькими прекрасными и нетронутыми зубами. Возможно ее дантист был отличен.

Незначительная зубная боль обозначила меня как удачливого. Фактически все иностранные сенсусей и некоторые полицейские недавно получили травмы. Денни сломал палец. Бэн хронически страдал от проблем с шеей и большинство из оставшихся получило некоторые травмы или иные повреждения от Крэйга. Крэйг Моррисон Тидсвелл. Даже его имя звучало зловеще, имеющее психопатический оттенок к тому же. Это путало Андо, который называл его Тидсвеллом, а не по имени, как ко всем остальным нам. "Тидсвелл!! Нет! Тидсвелл гниколени! Гниколени!!" Андо был единственным японским учителем, который рисковал говорить по английски. Он меньше всего думал о собственном достоинстве нежели другие, не заботясь сделал он ошибки или нет, переводя непосредственно с японского. "Глазалиния! Глазалиния!" было его наставлением

поддерживать правильный сконцентрированный взгляд, прямой перевод слова "mesen". Главным образом Андо говорил нам становиться ниже. Я предположил, что будучи самым маленьким по росту человеком в зале, приблизительно пять футов два дюйма (157 см), он всегда имел самую низкую позицию. Гайдзины были всегда слишком высоки, слишком высоко, особенно Крэйг, который, из-за своего длительного отсутствия не смотря на его героическое усердие, все еще не мог сделать базовых движений так же хорошо как остальные. Возможно, это стало причиной того, что выплеснул свою агрессию на своего партнера. Крэйг не заботился о своем партнере, не мог контролировать свой характер, когда совершил ошибку. Но он был жесток и не менял своего мнения что его месть вынуждена. В одной игре, придуманной Андо в субботу утром, все становились в большой круг и каждый по очереди бросали одного. Когда настала очередь Крэйга зазвучал кровожадный крик полицейских, которым он не нравился еще больше. Я помню очень хорошо Крэйга, бросаемого снова и снова полицейскими, кричащими ему когда он падал: "Подходи! Сделаю тебе хуже! Я могу взять тебя как бабу!" Я видел как Оямада устроил Крэйгу взбучку и был близок к тому чтобы свернуть ему шею. Я думал, что сломанная шея это слишком жестоко, но принцип был верен. В 1960-х Канчо сломал локоть замещающему учителю, потому что тот был слишком жесток с его студентами. Крэйг был настоящим нацистом. Если вы были мягки с ним, он интерпретировал это как слабость. Он упоминал мне, что когда Маленький Ник ослабел, он бросил его еще сильнее. Он сказал, что считает такое поведение "естественным".

Возможно иностранные сэншусеи боялись Крэйга, когда тот ранил Маленького Ника, выполняя плохой бросок через бедро, но ни у кого из них не было большой симпатии к нему. Я хорошо помню свою собственную рану в руках Армянина. С Маленьким Ником неспособным тренироваться, Крэйг разместился рядом пассивный. Полицейские очевидно терпеть не могли его резкие методы. Так сделал и Уилл. После очередной серии дзю вадза случился почти срыв дисциплины в строю. Они ругались и называли каждого другим именем и остановились только тогда, когда мы убедили их, напугав что преподаватель может услышать. Срыв дисциплины было худшим преступлением, которое мы могли только совершить, после которого нам покажут на дверь. Время от времени это додзэ становилась похожей на подобие семинарии, которой руководили набожные монахи. Но Крэйг не изменился. В конце концов большинство из нас только надеялись, что он станет лучше в айкидо, так как травмы всегда случались в техниках, которые он не мог сделать, но пытался очень усердно выполнить действие. В то время как Крэйг калечил людей, я боролся с нехваткой веры в дзю вадза, десятью или двадцатью бросками с непрерывным нападением и защитой. После серии двадцати бросков у нас всегда сбивалось дыхание. Однажды Андо устроил нам серию из шестидесяти бросков в роли нападающего, затем, поменявшись, шестьдесят бросков в роли защищающегося. Те кто справился с этим были истощены. Несколько сдались.

На другом уроке Мастерд распорядился атаковать меня сверху спереди и я должен был бросить Бешенного Пса десять раз. Но вместо того чтобы смениться он оставил меня и дал указание Крэйгу занять место Бешенного Пса. Я подумал что оказался в обычной жестокой обработке, практикуемой Крэйгом. Но нет, я должен был бросить его десять раз. Затем следующие сэншусеи и следующие, и Йоджи, и Пол, и Стампи. Я действительно пробовал выполнить это на Поле, и он наслаждался этим. Есть одно движение когда вы ныряете под ноги вашего нападающего и он должен кувыркаться через вас. Если делать это спонтанно, это может быть опасным, поскольку вы можете сделать западню для ног нападающего, что может стать причиной поломки его коленей во время импульса его тела. Некоторые учителя осуждают это действие в целом. Я сделал два раза подряд на Поле и конечно он не имел никаких проблем, но к тому времени я так устал, что не боялся никаких последствий за такие действия.

Я выполнил сто тридцать бросков, последние шестьдесят в удачном сконцентрированном но дистанцированном душевном состоянии. У меня не осталось никаких сил в запасе и все же, помещая мое тело в правильную позицию, я был все еще в состоянии бросать людей. Когда я закончил все аплодировали. Вилл сказал: "Я фактически наблюдал, как ты стал лучше там". Это было как другое толкование правдивых слов Тессю: "Разум не имеет никаких пределов. Используйте такой разум." Это было вид обучения, который Мастерд выполнял экстраординарно. Но к настоящему времени я был в программе, которую он мог выполнять абсолютно безошибочно. Чтобы выжить я согласился с группой

обожествить человека. Даже Рэм сказал потом: "Мастард - хороший парень, очень хороший парень. Мы все что у него есть. Он действительно беспокоится о нас."

Приемная дантиста была пуста, когда я прибыл с моим неопределенным назначением - в среду или четверг днем. Регистратор указала мне на веселые цветные шлепанцы, которые мне следовало одеть и я ждал с некоторой нервозностью прихода дантиста. Приемная имела тот же самый зубной запах (запах страха и жидкости для полоскания рта), что и тот который я помнил с детства. Я глядел на стулья и на прикрученные угловые держатели. Действительно ли они были современны? Я не мог сказать. Это ведь Япония - с ее последними высокими технологиями? Светильник был пылен и видимо родом из семидесятых. Не слишком ли поздно отступить?

Дантист, примерный и выглядящий утомленным мужчиной, позвал меня с одного из этих стульев. Любезная регистраторша одела белый халат и стала его ассистентом. Возможно они были женаты. Его голос был низок и убедителен, но со мной он много не разговаривал. Не говоря ни слова он достал огромный металлический шприц и сделал инъекцию мне в десну. Затем он принялся за работу.

Я хотел бы поведать о том, что моё дисциплинарное обучение в атмосфере заполненной болью, сделало меня жестким. Я хотел бы поведать о том, что я стал как Джон Коффей, который стоя под водопадами мог смеяться над мучительными страданиями и называть своё тело "куском дерьма". Я хотел бы сказа так, но я не мог, поскольку правда была в том, что то переживание зубной боли было чрезвычайно болезненным и неприятным, хуже даже, чем когда росли мои зубы мудрости, и много хуже, чем прямое падение на шишечки, или удар точно по носу, или дробящий удар по ребрам от Маленького Ника.

Обезболивающее не действовало. Сломанный зуб болел еще до того, как его верхушка была отломана и боль не прекратилась, когда инъекция была сделана. Со ртом полным сверления безжалостной установкой на четырех колесиках, которая работала беспощадно, я пробовал хныкать по японски: "Itai", вызывая слабо ("это повреждает"). Дантист проронил легкую усмешку. На его лице была медицинская маска и его усталые глаза не выразили никакого намека на сострадание, лишь мрачное намерение завершить работу. Это было как итог, в миниатюре, моей философии сэншусей: "В то самое время, когда вы думаете, что хуже быть не может, становится гораздо хуже", после сверления он взял в руки дымящийся кусок провода, которую он вставил глубоко в отверстие, чтобы убить нерв. АААААЙ!!!!

Всего я должен был посетить дантиста пять раз, чтобы вылечить тот зуб, но не одно из последующих посещений не было столь плохо, как первое. И к тому времени, когда приехал, чтобы оплатить счет, осталась только нехорошее пульсирующее воспоминание. Я передал страховую карту Вилла, который был ближе мне по возрасту, чем Бен, и он записал данные, и был столь вежлив, что не возразил, что я был американцем, а не англичанином, которого обещала Сара. Он не запросил никакой дополнительной платы. Услуги японских дантистов общеизвестно дороги, а я получил эти услуги бесплатно. Я бодро улыбнулся и вышел. Все это было противно и таинственно, но это было второй частью моей философии "выживания": "Ничто не длится вечно". Боль прошла. Я мог обучаться снова, не разжевывая перед этим несколько штук аспирина, и все это было бесплатно. Я спрашивал впоследствии некоторых японцев об этом и все они были одинаково смущены этим. Возможно, Сара делала какой то тайный жест им, но этого я так и не узнал.

Крис был удивлен моим изменившимся отношением к Мастарду, но он не оставил это без комментариев. К большинству тем Крис был сплетником и очень самоуверенным, но на предмет курса он все больше и больше ограничивался в высказываниях, дабы не мешать Бену и мне, обескураживая нас. В отличии от него Толстый Фрэнк не снисходил до этого. "Пол думает что ты тупой", доверился он. "Большое спасибо. Я очень хотел это услышать," сказал я. За два месяца до этого, в сентябре, Толстый Фрэнк чувствовал, что Бен добился больших успехов, чем он. Они продолжали восхождение на гору Фудзи и Фрэнк унижал Бена до слез, не разрешая долговязому австралийцу отдыхать по пути к вершине. "Это иранский способ подняться в гору," говорил Толстый Фрэнк.

Крис и Фрэнк должны были сдать свой тест на день раньше нашего. Они выполнили дзю вадза перед сэншусей, и хотя броски их были более сложны, чем

наши, их движения не были текучими. Я осознал тогда, что курс был нужен для выявления динамики человеческого движения и применения этой динамики (в идеале) для разрушительного эффекта.

Чудесные аминокислоты могли стать привычкой и я чтобы добавить себе сил выпивал каждое утро две чашки горячего сладкого кофе перед тренировкой. Я смог убедиться, почему кофеин был запрещен большинством спортивных администраторов. Это делало мой живот больным и возбужденным, но гул был достаточным, чтобы завести меня серьезно и немедленно. Изначально, первый урок всегда был весьма утомителен, но теперь кофе давал мне достаточно сил, чтобы пересечь порог, порог напряжения, где усталость и медлительность не дают действовать дальше. Постоянное расстройство желудка было ценой тому, но это казалось малой ценой этому.

Я пристрастился к кофе, а не к более сомнительным пилюлям кофеина или Джолт ХЗ, обогащенной кофеином коле, которая делала вас утомленным и раздраженным после шести часов бешеного сердечного ритма. Кофе казался приемлемым, вопреки злоупотреблению наркотиками.

За неделю до теста произошло два события выбившие из колеи. Я растянул плечо и допустил одну и ту же ошибку выполняя технику шесть или семь раз подряд.

Это случилось во время тренировки у Чида, где мы выполняли каждую технику в тачи (стоя) и сувари (на коленях). Приоритетной была техника котэгаэши от двойного захвата запястья, где болевой замок на запястье позволяет вам бросить нападающего целиком. Мы делали это стоя на коленях и внезапно у меня случился провал в памяти – я не знал что дальше делать. Чида конечно заметил. Класс полицейских и иностранных сэншусей оставался неподвижным, в то время как он спокойно сказал мне повторить снова. Я испытал тот же самый провал в памяти. Кто-то, кажется это был Ага, как я помню, вызвался помочь, в то время как я до последнего пытался понять, как сделать правильное движение. Чида не предложил никакой помощи, поскольку он знал, что эта техника мне уже знакома. После седьмой попытки я понял как сделать это правильно. Держать весь класс так долго в этой последней стадии игры было глубоко оскорбительно. Остальные иностранцы раздраженно сторонились меня после того занятия, будто я мог принести им неудачу.

После я сидел в раздевалке один, переживая глубокий испуг, вошел Маеда-сан, "горилла". По настоящему он никогда не нравился мне, однако он подошел ко мне и был искренне дружелюбен и заинтересован. "Вы в порядке?" спросил он несколько раз. "Я в порядке," сказал я. "Ёшинкан айкидо – заботливое!" сказал он, и мне следовало смеяться над этим. Было легко говорить с тем, кто относился к айкидо очень серьезно. Когда я его спросил, как он относится к продолжению занятий после курса, он фыркнул: "Вы должно быть дурачиться!" Он заметил мой промах и искал меня специально, чтобы утешить меня; ни один иностранный сэншусей и не думал делать такого, особенно лидер группы, каким бы Маеда. Но быть лидером группы в Японии означает взять на себя некоторые обязанности: вы должны выказывать уважительное отношение к группе стоящей ниже вас. Это подобно тому, как на Западе неправильно истолковали отношения сэмпай-кохай, не понимая, что ближе по смыслу здесь отношения наставника-аспиранта, нежели тяжкая работа надзирателя, как мы предполагали.

Вывих плеча был не обременителен для мыслей, но физически последствия были хуже, чем заклинивание моей мозговой деятельности. Я должен был прервать обучение по крайней мере на несколько дней. Сухожилие между ключицей и плечом было растянуто, когда я приземлился неудачно во время восьмидесятиминутной серии дзю вадза на тренировке Оямада. Это было грустно и это сильно влияло на меня.

Я заметил это когда еще школьником играл в регби – некоторые люди всегда травмировались, хотя некоторые ничего и не делали. Исключив безрассудность, можно было трудно не сделать вывод, что некоторые люди специально ранились, либо для того чтобы привлечь внимание, либо чтобы таким образом просто сбежать.

То же самое было в айкидо. Ева, швейцарская подруга Пола, выполняла самозащиту в паре с чрезвычайно мускулистой израильской девушкой. Израильтянка была много меньшую по размерам Еву каждый день, но поскольку они готовились к тесту инструкторов, Ева терпела все это. Однажды она пришла с определенным желанием, что не хочет быть там. Тогда Чино, будучи

инструктором, подошел и бросил ее, она осталась на татами и не сделала хлопка. Ей тот час же сделали рентген ключицы. После ключица должна была быть зафиксирована, это означало вынужденный перерыв. Но Ева не имела недовольства к Чино. Она винила себя. Она верила: "Если вы не хотите быть там, уходите, или вы травмируете себя только для того чтобы найти оправдание для ухода." Я не мог предполагать, что Оямада заставит нас непрерывно делать дзю вадза во время всего урока. Это было жестоко. Даже Бешеный Пес, с его богатым опытом, очень уставал. И в тот же момент, как я подумал, что не смогу больше продолжать, я приземлился неуклюже, с глухим стуком на плечо. Я лежал на полу как футболист, который был противником этикета айкидо, но мне было необходимо "показать", что я был травмирован. Когда я встал, я не смог поднять свою руку выше груди. Почти с благодарностью я скользнул к линии сэйдза. Умеренная боль, но ничего особенного, ничто по сравнению с установкой пломбы в корень зуба. Но с плечом или без плеча я должен был сдать тест. Черный пояс не был завершением курса, но я буду чувствовать себя гораздо счастливее, когда буду носить его. Весьма самонадеянно я шел к тесту, но я все еще имел три месяца, чтобы уйти. Я знал, что если уйду раньше, даже с черным поясом, я все же буду чувствовать некоторую неудачу. Я знал, что курс сэншусей был всем, если вы прошли его, или ничем, если вы сдались. Крис был прав, это было как обряд инициации.

Тест на черный пояс для полицейских был спустя несколько дней после нашего. Их тест включал самозащиту, методы ареста и элементы обучения. Это было то, что мы должны были изучать после теста на черный пояс; для нас предстоящий тест состоял из следующего: два вида дзю вадза (от атаки фронтальным ударом и от захвата за запястье) и базовые движения, которые были частью любого испытания Ёшинкан. Я спросил Шерлока, чувствует ли он себя готовым. "Нет", ответил он смеясь.

Бен и я наблюдали тест Криса и Толстого Фрэнка. Они были хороши, но не столь хороши, какими чувствовали мы себя. Мы провели столь много времени на коленях, что наша работа коленей обязана была быть более динамичной чем у них. Крис и Фрэнк прошли. Теперь настала наша очередь.

В ночь перед тестом, мы посетили общественные ванны, чтобы хорошенько вымыться. Японцы осторожно покидали ванну, когда Бен и я вошли вместе. Я услышал двух стариков, бормотающих о размере члена Бена. Я нашел это довольно забавным, в отличии от него. После ванны Крис сделал нам основательный массаж. Мы обрили головы и выпили пиво, так распорядился Мастерд.

Следующим утром выпив немного свежего кофе и приехав на велосипеде в дождь, Бен и я практиковали смертоносный кийай (крик нападающего, боевой клич), постольку как мы часто оставались одни на пустынных улицах.

В чайной комнате было тихо в этот раз и она была полна заметной напряженности. Вошли полицейские и пожелали нам удачи. Шерлок ущипнул меня за задницу, как я полагал дополнительно желая тем самым мне удачи.

После часовой практики у нас был короткий перерыв. Я одел чистое доги. Я придерживался всех суеверий в таких делах. Я выбрал мое любимое доги, немного мешковатое по размеру, и сожалел, что не мог одеть мой первый белый пояс, который украли несколькими месяцами ранее.

По очереди мы садились на колени наряду с полицейскими, помощниками и преподавателями, которые были зрителями. Бешеный Пес и я были последними, что означало что нам предстоит сорок минут в позиции на коленях перед нашим тестом.

Каждая пара поднималась и выполняла все, как я думал, с замечательной энергичностью. Со всем военизированным обучением мы были дисциплинированными сэншусей, по крайней мере были очень похожи на них, занятых делом.

Адам и Рэм испытали ад на своей шкуре, во время своей серии дзю вадза. Адам сделал попытку выполнить причудливую страховку назад во время броска, тогда как он должен был просто упасть. Раздался отвратительный хруст от удара о пол.

Но Адам, который вставал и без промедления нападал на Рэма другой рукой, был отличен от скулящего и ноющего Адама прежнего. Он задвинул поврежденную руку в его доги и делал страховки, пока серия не была остановлена. Он вернулся бегом на линию и резко упал вперед от боли. Вилл сказал ему сидеть прямо, что он и сделал.

Бешеный Пес и я были следующими. Техники работали без заминок. Во время дзю вадза я готовился к серии повторных кувыркков через бедро Бешенного Пса на

мат. Но он не сделал ни одного броска через бедро. Между последним уроком и тестом он должно быть сделал вывод, что выколачивание об ковер не выглядело хорошо. Поскольку он пощадил меня, у меня было достаточно энергии к тому моменту, когда настала моя очередь бросать его. Я сконцентрировал свой взгляд и стал ждать.

Он ринулся на меня громко рыча, его глаза были переполнены гневом Бешеного Пса. Было приятно иметь дело с такой направленной атакой. Я отклонил его удар предплечьем и потянул его шею вниз. Его следующий удар я блокировал и поворачивал его руку, скручивая ее назад к плечу в броске типа шихонагэ. Я использовал свою руку как опору, для оказания давления на его локоть против естественного сгиба, для следующих двух атак прежде, чем я понял, что "застрял" - в моём сознании не было ничего, за исключением той же самой техники. Бешеный Пес знал это и это вызвало последний взрыв силы, он атаковал с большей энергией. Это сломало шаблон, поскольку я быстро нагнулся и позволил ему стремительно пройти над моей головой. Это было не совсем прекрасно, но это было ... удовлетворительно. Мы вернулись на линию и стали ждать заключительную речь Чида.

Перед речью, Чида приказал Адаму покинуть линию и пойти в офис чтобы осмотрели его плечо и руку. К тому времени я забыл уже про Адама, но Чида нет. (Адам сказал позже, что никогда в жизни ему не уделяли столь много внимания. Накано перевязал его плечо, которое было сломано, а другие преподаватели и учи-деши суетились вокруг, готовя ему чай и вообще смотрели на него как на героя. По стандартам Ёшинкан он прошел настоящее испытание, он получил травму, но с болью продолжал бороться и вернулся на линию, когда ему приказали. Это был настоящий Дух, более важный, чем простая техника.) Чида собрал нас вокруг, затем Толстый Фрэнк и Крис поздравили нас и преподаватели пожали наши руки. Чида сказал нам встать и размять наши колени. Почти не официально он сказал нам, что все прошли. Крэйгу, однако не давали черный пояс, потому как его базовые движения не были достаточно хороши - он был продвинут на уровень ниже черного пояса, шокю, и все еще должен был носить белый пояс. Бешеный Пес, который уже был черным поясом, не был продвинут до черного пояса второй степени - как сказал Чида, у него все еще не было этого в коленях. Все пожали друг другу руки вновь, но Крэйг, как я заметил плакал.

Следующим вечером состоялась рождественская вечеринка, ровно год прошел с тех пор, как Шиода расспрашивал меня о японском Духе, как Джон Коффи рассказал мне о своём опыте в Дзэн и как Роланд предупредил меня, что "Айкидо может убить".

Мы собрались в пивной, которая была в японском стиле, где подавали блюда с высушенными кальмарами и другими часто требуемыми лакомствами, которые подходили к пенистому пиву. Толстый Фрэнк и я сидели напротив Чино и впервые я мог полноценно побеседовать с преподавателем, который терроризировал меня. Фрэнк присоединился к нашей беседе и сказал Чино: "Люди говорят, что вы любите выполнять техники очень мощно."

"Это зависит от ученика. Но иностранцы преклоняются перед силой, поэтому я выполняю техники на них обычно жестко, пока они не почувствуют кое что другое," ответил он.

Я знал, что Канчо читал только спортивные газеты, японский эквивалент газеты Сан, и я однажды видел как Чино просматривал порнографический комикс в заведении 7-Элевен рядом с додзё, тогда я спросил его, что за книгу он читает. Чино сказал, что он читал спортивные биографии, главным образом для того, что они давали ему возможность умственной тренировки. Он полагал, что прогресс в айкидо был для него по большей части умственным занятием для него на данном этапе.

"Почему вы пришли в айкидо?" спросил Фрэнк.

"Я занимался дзюдо мальчишкой, как большинство японцев, и я полагал, что был очень силен. Но я знал, что в дзюдо, крупный человек чаще выигрывает, что стало причиной разделения на весовые категории. Я никогда не мог справиться с чемпионом в тяжелом весе используя дзюдо, поэтому я стал интересоваться чем то другим, где техника имела преимущество перед весом. Таким образом я стал изучать айкидо, потому что в айкидо маленький человек имеет большее преимущество."

Я разговаривал с Андо-сэнсеем о поэзии.

"Вы обучали поэзии в вашей стране?" спросил он.

"Да", солгал я, изначально в Японии, чтобы хорошо разбираться в каком либо предмете, нужно преподавать его.

"Вы должны показать мне ваши стихи," сказал он, будучи весьма пьяным и очень приветливым.

Действительно ли Андо хотел видеть мои стихи? Те стихи о военных преступниках? Или ту поэму, которую я написал о тюрьме Чанги? Я так не думал. Он нравился мне как человек. Он был душевным, но не сердобольным. Вы могли чувствовать его заботу о вас. Но он все еще оставался японцем и те стихи, которые я написал в Японии, были не подходящими для японских глаз.

Возвращаясь на станцию мне было по пути с Чида. Он увидел мои до блеска начищенные ботинки. "А! Английский джентельмен," сказал он смеясь.

Гораздо больше веселья было в доме гайдзин, где жил Малыш Ник. Я отправился туда с Виллом и Крисом и выпил пинту шочу, терпкого картофельного ликера, по пути.

Там было полно людей и многие танцевали. Ага, как я заметил, засунул свой язык в ухо австралийской девушки, которая всегда была на таких мероприятиях с открытым декольте. Мастард тоже был там, он сказал мне, что просил Чида пересмотреть результат теста Крэйга и дать ему черный пояс. Чида отказался. Я чувствовал, что Чида был прав. Крэйг пропустил три самых тяжелых месяца и никто не забыл это.

Адам носил гипс на своей руке с гордостью, а Малыш Ник был очень груб с кем-то кто думал, что понял боевые искусства. Я подкатил к Даррену. "Я думаю, что наконец постиг путь Ёшинкан," сказал я.

"Да?"

"Да. Путь Ёшинкан в том чтобы целовать задницу," сказал я.

"Я не думаю, что это тот путь," сказал он.

"Я так считаю," сказал я и ушел прочь.

"У тебя видимо очень хорошее настроение для таких высказываний," сказал Вилл.

"У всех хорошее! Мы прошли!" сказал я.

"Ты прав," сказал он без всякого осуждения.

Я болтался снаружи, курил. Шел дождь. Капли дождя падая обесцвечивали белую бумагу сигареты. Я пошел в неопределенном направлении к дому. Такси пролетали мимо, освещая фарами наклонный дождь. Долгое время я шел вдоль дороги, которая проходила под железнодорожным полотном. Железная дорога начала изгибаться, дезориентируя меня. Такси в этой части города было не меньше. Мимо проехал человек на велосипеде, повернул свой зонт навстречу ливню, продолжая крутить педали. Там был освещенный дверной проем и я неуверенно двинулся туда. Надпись слабым неоновым светом гласила, что здесь был какой то ночной клуб или бар. Японец с суровым видом, одетый в черный костюм, стоял в двери. Когда я приблизился, он сделал хорошо знакомый жест, скрестив запястья, что означала дамэ, нельзя, запрещено, гайдзин нет входа. Я прошагал по нескольким лужам и сел у входа в обувной магазин. Я чиркнул несколькими влажными спичками и зажег еще одну сигарету.